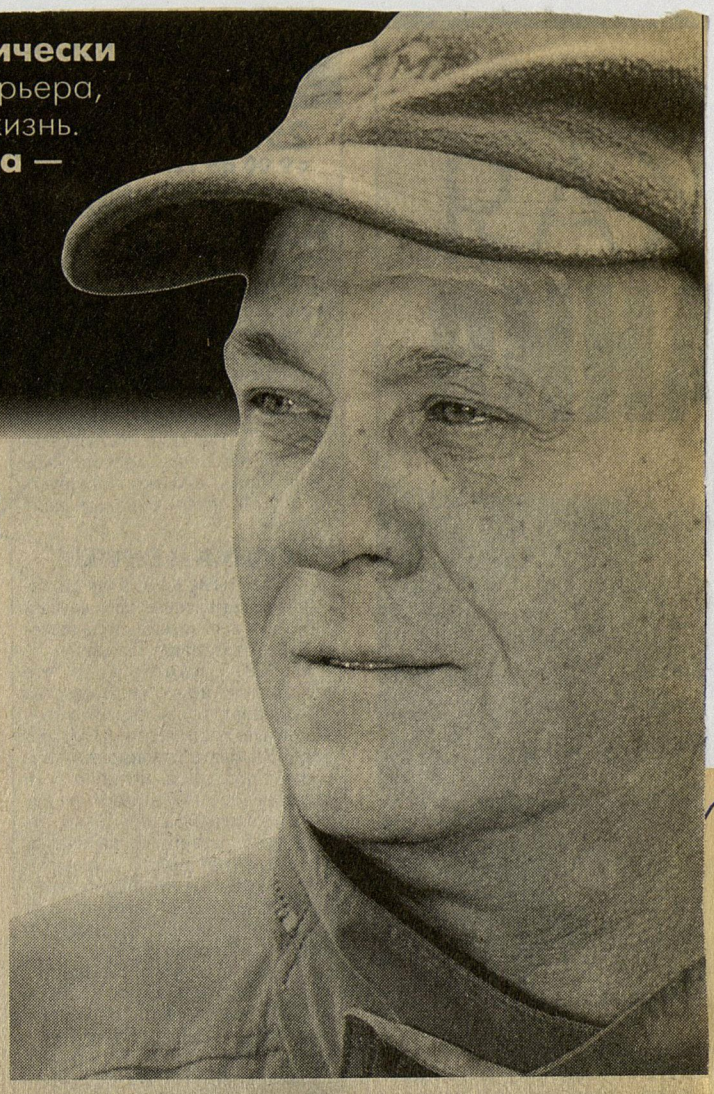
ВЕЧЕРНЯЯ 6 МОСКВА 5 АПРЕЛЯ 2001

КИНО
ПЕРСОНА

Его судьба фантастически успешна: быстрая карьера, счастливая семейная жизнь.
Масса премий, включая «Оскар». Жена — не только красивая, но и талантливая актриса Вера Алентова.
Дочь — телезвезда Юлия Меньшова.
Казалось бы, никаких проблем.
А он говорит, что может бросить кино, потому что это «становится неинтересным».



Владимир МЕНЬШОВ:

Я ЗНАЮ, ЧТО МЕНЯ НЕ ЛЮБЯТ

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Владимир Валентинович, вы не производите впечатление амбициозного человека. Что же заставило вас приехать из глухой провинции поступать в Москву?

— Во мне было что-то, что позволяло рисковать и пробовать. Я же с первого раза не поступил в театральное училище. Но домой, в Астрахань, не вернулся, а уехал на заработки в Воркуту — создавать себе биографию. В этом есть некая заданность. Оглядываясь назад, я понимаю, что без Воркуты, рабочих общежитий, людей, которых я там узнал, не было бы картины «Москва слезам не верит». Меня вела какая-то внутренняя сила. Мое четырехкратное поступление у многих вызывало смех и подозрение, уж не сдвинулся ли я по фазе. Но я понимал, что если не возьму штурмом этот редут, то проживу не свою жизнь. Когда поступил, понял: это мое!

— Но после школы-студии МХАТ вы считали, что ошиблись в выборе профессии.

— Так и было. Моя актерская судьба складывалась не очень счастливо. В школе-студии МХАТ меня не поняли по амплуа. Я социальный герой, а педагоги видели во мне характерного актера. Роли, которые мне предлагали, не удавались. Поэтому я имел репутацию плохого актера и плохого студента. Когда выпускался с дипломным спектаклем, то никого, естественно, не заинтересовал. И подпортил судьбу Вере, из-за меня ее не взяли в Художественный театр. Может быть, поэтому я пошел учиться на режиссера. Потом стали приходить предложения сняться в том или ином фильме, и я вернулся к актерской профессии. А сейчас вернулся и к театру. Четвертый сезон играю у Трушкина в «Позе эмигранта», скоро выйдет новый спектакль.

— На роль в театре согласились легко?

— Я понимал, что это риск, все-таки тридцать лет не выходил на сцену. Но рискнул, и началась новая жизнь. Теперь раз в неделю играю спектакль и счастлив, что у меня это получается. Мало того, мне кажется интересным попробовать себя в театральной режиссуре. В кино становится неинтересно. Люди его просто не видят! В массовом сознании кино начинает жить лишь после того, как пройдет по телевидению.

— А вы не думали заняться чем-то еще? Сейчас, к примеру, модно писать книги.

— Конечно, я мог бы сесть и написать мемуары, но чистый лист бумаги приводит меня в состояние сонливости. Я ленив и в то же время взрывчато-темпераментен. Моя профессия абсолютно соответствует моему характеру. Она позволяет заработать деньги, чтобы потом годдва лежать на диване. Но я не скучаю. Читаю, смотрю кино, хожу по театрам... Все это время во мне что-то вызревает. Понятия не имею, откуда появляется новый замысел! Вдруг откуда ни возьмись материализуются люди с нужным сценарием, и начинается.

— «Год-два лежать на диване»... Это не лидерское качество. А ведь режиссеру необходимо быть лидером!

— Естественно, иначе работа не пойдет. Я заметил, что твоя воля распространяется не только на людей, но и на явления природы. Допустим, моросит дождь. Я сижу грустный, потому что не могу начать съемку. Говорю себе: «Да пошло все к черту! Буду снимать в плохую погоду». И дождь тут же прекращается. Но вы в целом правы. Мне не нравится быть на виду, привлекать внимание к своей персоне. У многих резко портится настроение, если они не могут удержать на себе внимание стола или зала. Мне это совершенно ни к чему! Наоборот, я чувствую себя неловко, когда говорят комплименты, расхваливают мои работы. Не знаю, что отвечать и думаю лишь о том, как побыстрее уйти.

— А сами вы умеете говорить комплименты?

— Когда из провинциальной среды, далекой от мира искусства, я попал в Москву, сразу увидел фальшь, которая окружает этот мир. Понял, что люди в глаза друг другу говорят одно, а за глаза совсем другое. Тогда я решил, что никогда не буду таким, как они. Но с годами понял, что не смогу быть «чрезмерно честным», стану изгоем.

Впрочем, во мне еще осталось немножко от того человека, который давал себе зарок не лгать. Я научился и жалеть людей. Если мне что-то не нравится, стараюсь промолчать или произнести нейтральные слова «это интересно» или «я с первого раза не все понял». Это, конечно, увертки. Но я по крайней мере не ляпну, как раньше: «Старик, по-моему, это очень плохо!» Тем более, что все мои ровесники — сложившиеся люди, которые знают предел своих возможностей. Не имеет смысла указывать им на недостатки. Зато сказанные мной комплименты звучат весомо, потому что я говорю их редко.

— У многих артистов проблемы с самолюбием. Есть ли тут у вас какие-то «наработки»?

— Самолюбие у всех артистов больное! Даже у больших, состоявшихся, уверенных в себе. Поэтому их нужно время от времени подбадривать. Помню, на картине «Любовь и голуби» снимался один эпизод. Играли блестящие артисты Гурченко и Михайлов. Сцена не шла. Не получалась, и все тут! Я им сказал: «Дело не в вас, это я не могу ничего придумать». И подкупил их этими словами, они даже расплакались! В результате получилась одна из лучших сцен в картине.

— Вам случается кричать на актеров?

— Я легко срываюсь на крик, если актер не собран и ведет себя легкомысленно. Но его игра здесь ни при чем. Криком ничего не добьешься, артист от этого лучше не станет.

— Чем вы руководствуетесь во время работы — логикой или все-таки чутьем?

— Когда я учился на актера, то тормозил свое творческое начало тем, что пытался объяснить каждый свой шаг на сцене. Потом отказался от этого, и все стало получаться. Позже выяснилось, что любые эмоции идут по четко проложенным рациональным рельсам. Вот, к примеру, последняя картина, «Зависть богов». Были написаны горы материала, как будто бесполезного. Пригодилось все! Хотя я сплошь и рядом выходил на площадку, не зная, что буду снимать. Знал, какие актеры в кадре, но не имел понятия, что они будут говорить.

В свое время на «Мосфильме» перед началом съемок требовали режиссерское резюме. Надо было сформулировать идею фильма. Такая мука! Помню, к картине «Москва слезам не верит» я написал какую-то чушь. А когда закончил снимать, резюме попалось мне на глаза. И оказалось, что все это есть в картине. А я-то думал, что отдал простую отписку...

— Слышала, что в кинематографическом мире вас не любят. Почему?

— Я предлагал себе разные версии. Самая простая и доступная — зависть. Люди всю жизнь потратили на то, чтобы заработать «Оскара», а я получил его со второй картины (с первой только Государственную премию). Многих это бесит. Но причина той оголтелой ненависти, которая существует по отношению ко мне, гораздо глубже. Прежде всего я не принадлежу ни к какой стае. Ухожу от диктата моды — тематического, идеологического, эстетического. А в нашем мире мода многое определяет! Поэтому любая моя картина принимается в штыки. «Москва слезам не верит» была измельчена в пыль, то же произошло с «Ширли-мырли». Теперь принялись за «Зависть богов».

— Ваша жена — красивая женщина — и чаще всего играет красавиц. Но ведь бывают случаи, когда надо снять актрису ненакрашенной, сонной, некрасивой... Не возникает ли здесь у вас разногласий?

— Вера не боится быть некрасивой. У меня просто не было повода показать ее такой. В «Москва слезам не верит» можно было подать ее чуть более страшненькой во время беременности, но у меня тогда не хватало опыта. А вообще она с большим интересом идет на эксперименты. Конечно, быть все время замухрышкой вряд ли кому понравится. Надо, чтобы актриса из гадкого утенка превращалась в лебедя. Бывала и такой, и такой. Я, кстати, все время требую от Веры, чтобы она снималась ненакрашенной. Мне кажется, что без грима она выглядит благороднее и интереснее. Но она, как любая женщина, чувствует себя защищенной лишь тогда, когда у нее накрашены губы, подведены глаза, положен тон.

— Вы человек успешный. Не боитесь «зависти богов»?

— Боюсь, а что делать? Отказаться от успеха? Это было бы глупо. Хотя... Когда вышла «Москва слезам не верит» и тут же вызвала среди коллег волну ненависти, у меня были малодушные мысли: «И на кой хрен я ее снял?!»

Досье «ВМ»

Меньшов Владимир Валентинович. Родился в Баку в 1939 г. Режиссер, сценарист, актер (около сорока ролей), продюсер. В 1965 г. окончил Школу-студию МХАТ, в 1970-м — аспирантуру при кафедре режиссуры во ВГИКе (мастерская М. Ромма). Постановщик фильмов «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби», «Ширли-мырли», «Зависть богов» и др. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственных премий РСФСР и СССР. Премия «Оскар» в номинации «иноязычный фильм» за 1980 г.